

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210106

УДК 94: 353(470+571)"1700/1917"

Л.М. ДАМЕШЕК, И.Л. ДАМЕШЕК

СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ В ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1.

В статье рассматривается влияние этнического фактора внутренней политики самодержавия на инкорпорацию сословия сибирских инородцев в политико-административное и социокультурное пространство империи XVIII – начала XX в. Анализируются правительственные мероприятия в отношении землепользования, управления, налогообложения аборигенов, подчеркивается протекционистский характер этой политики. Отмечается, что в конце XIX в. на смену имперскому регионализму пришел курс на принудительную инкорпорацию, связанный с интересами переселенческой политики в азиатской части империи. Власть преследовала цель выстраивания единой горизонтали по административному устройству и управлению сельского населения как внутренних, так окраинных губерний государства. Эти вопросы ранее освещались авторами, но возвращение к ним необходимо для системного анализа сущности имперской политики и ее эволюции.

Ключевые слова: Россия, империя, Сибирь, внутренняя политика, сибирские инородцы, политика инкорпорации, унификация.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK

SIBERIAN ABORIGINALS IN THE POLITICAL AND ADMINISTRATIVE SYSTEM OF THE EMPIRE IN THE XVIII – XX CENTURIES.

Irkutsk State University,
1, Karla Marxa str, Irkutsk, 664003, Russian Federation

The article considers the influence of an ethnic factor of the autocratic domestic policy on the incorporation of the Siberian aboriginals into the empire's political, administrative, and socio-cultural space in the XVIII – early XX centuries. The paper notes significant difference in such policy comparing it with the measures of the USA and European countries towards their colonies based on the chronological and comparative methods of historical research. Analyzing normative and procedural sources, the authors come to the conclusion on the reliance of the empire's policy towards its peripheries on the national elite, that was traditional for the autocracy, and the essential importance of the aboriginal factor in the Russian advance to the Far East. The article analyzes this policy as manifested in measures taken in the agrarian, administrative, and fiscal spheres. It emphasizes that the policy of imperial regionalism proclaimed by M. M. Speransky's Siberian reforms of 1822 was replaced by the policy of forced incorporation in the second half of the XIX century. This manifested itself in such ways as organizing land survey, introducing the passport system among the aboriginals, adopting the law on heads of peasants and indigenous peoples in 1898, starting the aboriginal conscription to the rear during the World War One, removing self-government of aboriginals, creating the volost system of rural government identical to the peasant system. The new administra-

Лев Михайлович Дамешек – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет, e-mail: levldameshek@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7763-1199>

Ирина Львовна Дамешек – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет, e-mail: dameshek@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2510-1652>

Lev M. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Irkutsk State University.

Irina L. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Irkutsk State University.

tive structure tasks of the Siberian inhabitants were closely related to the interests of the resettlement policy in the empire's Asian part. The administrative aspect of Asian Russia pursued clearly expressed integrative features aimed at building the unified horizontal power in the administrative structure and management of the rural population in both the internal and peripheral regions of the empire.

Key words: Russia, empire, Siberia, domestic policy, Siberian aboriginals, incorporation policy, unification.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Ее освоение, начавшееся в XVII в., сопровождалось колоссальными усилиями русского народа и имело длительную историческую перспективу. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты. Продвижение отрядов русских землепроходцев на восток и дальнейшее закрепление новых территорий в составе России продолжило формирование единого политико-административного пространства Европа–Азия. На протяжении XVI–XIX вв. Россия в результате включения в ее состав Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратилась в многонациональную империю. В начале XX в. в стране имелось около 200 больших и малых народов, различавшихся по языку, культуре, религии, менталитету и т. п. Кардинально изменилась этническая структура государства. Доля русских сократилась с 95 % населения в середине XVII в. до 44,6 % в начале XX в. [1, с. 20, 25]. Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому, конфессиональному составу и менталитету населения. Многие поднимаемые в статье вопросы ранее рассматривались авторами, но освещение их в данной статье необходимо для более полного понимания имперской политики и ее эволюции.

ЯСАК И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ АБОРИГЕНОВ В XVII–XIX вв.

На первых порах народы Сибири, как известно, облагались данью (ясаком) в пользу государства. По мере включения аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них распространялись и другие виды податных обязанностей. И сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие

налоги на его содержание. Это коренным образом отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и не считались гражданами государства. В России первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего здесь порядка землепользования, верований и культуры в целом.

Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной центральной властью, объектом ее фискальных интересов. Правительство требовало не допускать здесь столкновений ради гарантированного обеспечения уплаты ясака сибирскими народами, что было их основной обязанностью по отношению к государству и что на первых порах определяло позицию правительства в отношении коренного населения. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли (подробнее см.: [2, с. 208–215]). Этот курс проводился решениями Сибирского приказа XVI в., Первого и Второго Сибирских комитетов, иных властных структур конца XIX в.

Если в XVII в. правительственные указы требовали взимать ясак мехами, то в XVIII и тем более в XIX в. экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири, закреплению их оседлости. В хозяйственном отношении данные процессы стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Все это имело целью и следствием не только экономическую, но и социокультурную инкорпорацию окраины в состав империи. В этом процессе православный русский крестьянин-земледелец должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «иногородца» не только пахать, косить, строить дома, но также молиться и даже думать по-русски. Проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно так понимали

суть колонизации Сибири те современники, которые отстаивали идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

**ПОЛОЖЕНИЕ «О ВИДАХ НА ЖИТЕЛЬСТВО»
ОТ 8 ИЮНЯ 1898 г.
(ВВЕДЕНИЕ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ У АБОРИГЕНОВ)**

По мере успехов земледелия у народов Сибири оно все больше приобретало товарный характер, что имело большое значение в переходе их к оседлости. Конкретными проявлениями усвоения новых практик стало строительство многими инородцами деревянных домов и хозяйственных построек, распространение среди них плотничного ремесла, развитие отхожего промысла, который давал средства на содержание семьи и уплату налогов (его значение колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7–9 % у татар, хакасов, якутов). Этому способствовало решение Государственного совета о распространении на сибирских аборигенов действия паспортной системы. В созданной для разработки законопроекта комиссии наиболее активную роль играл В.К. Плеве, который настоял на подчинении всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. «Местом постоянного жительства» оседлых считалось общество или волость, к которой они были приписаны, кочевников – район перекочевков. Все аборигены обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми и иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов (ст. III). Таким образом отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации.¹

Экономически введение паспортной системы у аборигенов было обусловлено развитием рыночного хозяйства, ростом применения наемного труда. Для части коренного населения Сибири работа по найму становилась основным источником существования. Вопрос о количестве выданных паспортов, безусловно, интересен во многих отношениях. В нашем конкретном случае выяснение его позволило бы не только получить дополнительные данные о количестве лиц, занятых вне сферы традиционных для народов Сибири видов хозяйственной деятельности, но и оп-

ределить, насколько последовательно проводилось в жизнь данное положение. К сожалению, имеющиеся на этот счет сведения далеко не полны. Мы располагаем лишь отрывочными данными, не позволяющими воссоздать общую картину. Отходничество и связанное с ним увеличение количества выданных паспортов получили развитие в период строительства Транссибирской железной дороги. По сведениям В.Ф. Борзунова, только на строительстве одного Забайкальского участка дороги ежегодно работало около 3,5 тыс. бурят, карымов и казаков. В Западной Сибири на строительстве дороги также трудились представители местных кочевых народов [3, с. 155; 4, с. 27]. Говоря о связи отходничества с развитием паспортной системы, следует в то же время учитывать условность этого взаимовлияния. Как справедливо подметил Р.М. Введенский, паспортная статистика показывает число только тех, кто «уходил из домов далеко и надолго, чья связь с хозяйством ослабевала совсем», а менее продолжительные отлучки «на развитии паспортной статистики не отражались» [5, с. 169].

**ЭТНИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ
В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ**

Интересы российского государства применительно к народам Сибири определялись не только экономическими, но и политическими соображениями, связанными, прежде всего, с потребностями укрепления позиций российской государственности на востоке. Периферийная и практически мало обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством аборигенному фактору изначально отводилась немаловажная роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, аборигенный демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль (оценку зарубежной историографии этой проблемы см.: [6]). Они не создавали у русского сибиряка состояние психологически-национального одиночества и дискомфорта (подробнее см.: [2, с. 227–243]). В Сибири русская и аборигенная цивилизации не просто существовали и развивались параллельно, как у европейцев и индейцев на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек не ощущал себя за рубежом. Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Стержневой линией прави-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15, ч. 1, 1896 г. Л. 132.

тельственного законодательства о коренных народах в XVIII – XIX вв. является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. Каждый из вошедших в состав Российской империи народов принес в новое для него государство свои менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Одновременный слом этого «юридического быта» народов и народностей мог привести к осложнениям и во вновь присоединенном крае, и во взаимоотношениях с другими державами, имевшими собственные интересы в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

На первых порах империя стремилась интегрировать имевшиеся у народов Сибири системы местного управления и самоуправления в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Законодательный механизм империи как бы впитывал в себя законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы. На окраинах государства влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Кавказ, Сибирь и других – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоявших из представителей родовой знати и старшин. Представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т.д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации [7, с. 211–223]. Но по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных связей эти тенденции в административной политике империи в Сибири по-прежнему сохраняются. Довольно долго сохранялось понимание русскими властями невозможности полностью подчинить народы Сибири действию общероссийского административного законодательства, стремление учесть некоторые региональные особенности. Последнее хорошо иллюстрируется таким примером, как смена официального названия народов края: от «ясашных иноземцев», т.е. людей, еще не окончательно вступивших в подданство России в XVII в., до «ясачных иноверцев» в XVIII и начале XIX в. Известные сибирские реформы М.М. Сперан-

ского 1822 г. вводят в российское законодательство термин «инородцы» в качестве официального названия народов Сибири, сохранявшегося до 1917 г.

Этот важнейший памятник имперского законодательства, первый в России свод комплексного регионального законодательства, закрепил основные принципы административной, финансовой и национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России, и положил начало политике, известной в современной историографии как политика имперского регионализма. В связи с этим заметим, что региональная идентификация и формирование образа азиатских окраин империи как в центре, так и на местах во многом зависела от формирования административных границ самого региона. Интерпретация региона расширялась по мере увеличения его границ, соответственно усложнялись и управленческие задачи.

Однако бесспорным доказательством факта того, что в Сибири власть шла явно впереди экономики, является система организации управления народами Сибири в пореформенный период и особенно в конце XIX в., когда правительство приступило к ломке административного строения, освоенного на принципах Устава М.М. Сперанского 1822 г. Это был действительно «новый курс» в имперской политике по отношению к народам Сибири, хотя и учитывающий некоторые важные для инородческой среды изменения, например, в виде развития буржуазных отношений в хозяйстве и социальной сфере, но на деле продиктованный усилением националистических тенденций во внутренней политике, в основе чего лежала концепция поглощения имперским ядром «желтой расы», проживавшей на азиатских окраинах империи. Мысль о необходимости нести европейскую цивилизацию «азиатам» прослеживается в деятельности всех имперских структур, занимавшихся миграционными процессами в поздней имперской России. Не случайно основная роль при этом отводилась русским переселенцам, которые должны были дать силы для защиты «интересов империи» на востоке. Здесь следует отметить, что национализм всегда играл известную роль во внутренней политике самодержавия. Особенно активно он проявился в третьиононьский период. Уже на предвыборных собраниях во II Государственную думу в 1907 г. из лагеря правых раздавались призывы в поддержку русского национализма, который, по их мнению, отнюдь не является каким-то антигуманным явлением и не стремится обидеть и тем более «поглотить» другие народности и национальности». Важнейшая задача нацио-

нализма заключалась в том, чтобы защитить и оборонить интересы русской государственности [8, с. 4].

Для этой цели и привлекался русский национализм. С его помощью нужно было настолько «обрусить» нерусское население, чтобы оно утратило свои национальные особенности и слилось с русским. «Обрусить – значит сделать инородцев по своим убеждениям русскими». Для достижения этой цели рекомендовалось поставить аборигенов в такую «обстановку, при которой они возможно меньше вспоминали бы о своей былой независимости». В. Строганов сформулировал задачи национальной политики самодержавия в следующих выражениях: «Итак, что-нибудь одно: либо мы должны отказаться от девиза “Россия для русских”, либо от обрусительной политики, так как совместить то и другое так же нелепо, как тушить пожар керосином» [9, с. 146-148].

В период, когда существование самодержавия пришло в противоречие с интересами абсолютного большинства российского общества, теоретики национализма пытались ссылками на исторический опыт других стран подсказать правительству рецепты выхода из кризиса. И.П. Балашев, ставя риторический вопрос с том, почему Франция «в своем могучем организме» смогла растворить «целый десяток различных народностей», приходил к выводу о том, что «там не давали им (инородцам – *Авт.*) никаких особых льгот... а главное налагали одинаковые обязательства». В России же «невежественная и бездарная бюрократия силилась, напротив, всячески огородить их (инородцев. – *Авт.*) от главенства русской народности, вместо того чтобы думать о слиянии с ней» [10, с. 14].

От теоретиков великодержавного шовинизма не отставали и должностные лица царской администрации. Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов в отчете о состоянии Забайкальской области за 1908 г. выражал серьезные опасения по поводу возможных последствий скопления большого количества коренных жителей в одной области. Подобные явления, по его мнению, не способствовали упрочению позиций самодержавия в крае. Имея в виду активное участие бурятского населения области в общественном движении в годы Первой русской революции, он подчеркивал, что «никому не известно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому испытанию². Применительно к народам Сибири основные предложения по поводу будущих административных преобразований в крае были сформулированы иркутским генерал-губернатором Н.П. Игнатьевым в 1887 г. в специальной «Про-

грамме деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»³. Если представители губернской администрации только настаивали на реформе управления аборигенами, не выдвигая при этом никаких конкретных предложений и отдавая вопрос о разработке реформы на откуп правительству, то проект Н.П. Игнатьева содержал на этот счет конкретные рекомендации. Конечную цель проекта автор сформулировал кратко и ясно – «обрусение «инородцев»⁴. Решению этих задач должно было способствовать подчинение аборигенов власти земских начальников, как это было сделано в губерниях Европейской России применительно к крестьянам. Игнатьев считал, что введение данной меры будет «самым практическим» шагом на пути полного подчинения аборигенов русскому законодательству, а в конечном итоге и обрусению. Известно, что Александр III на полях документа написал: «Да! Весьма пора» [2, с. 237]. Именно предложения А.П. Игнатьева и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках» (позже начальники участков, в которых проживало коренное население, стали именоваться «крестьянскими и инородческими начальниками»). Оно явилось началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Органы управления инородцев, основанные на принципах Устава 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. При этом права крестьянских начальников в отношении подведомственного населения были значительно расширены по сравнению с земскими начальниками.

ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Одной из важнейших особенностей последствия введения закона о крестьянских начальниках в Азиатской России стало четко выразившееся стремление правительства ликвидировать сословие инородцев и полностью подчинить народы Сибири действию общеимперских законов. Значимыми в этом плане стали работы по организации и проведению землеустройства аборигенов, выполняемые центральными и местными органами Министерства внутренних дел. Характерно, что в начальный период работ по землеустройству упразднение разрядной системы деления инородцев на оседлых, кочевых и бродячих рассматривалось правительством как логическое завершение такого процесса. Однако он сильно затянулся. С осе-

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11–22 об.

³ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

⁴ РГИА. Ф.391. Оп.1. Д.73. Л.9.

ни 1908 г. министерские чиновники разного уровня, ссылаясь на прямые указания П.А. Столыпина, стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было перечислено 233 тыс. душ, в разряде кочевых и бродячих провозждало оставаться около 116 тыс. душ, или примерно 33 % коренного населения [2, с. 242].

Одновременно правительство вводило у аборигенов волостную реформу. Старое административное деление на рода, ведомства и т.д., основанное на родовых принципах Устава 1822 г., уходило в прошлое. Замена родового принципа территориальным подрывала остатки патриархально-родового строя и отвечала изменяющимся условиям хозяйственной жизни народов Сибири. Вместо родовых управлений и инородных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Задачи нового административного устройства народов Сибири оказались тесно связанными с интересами переселенческой политики в азиатской части империи, управленческий аспект которой преследовал явно выраженные интеграционные черты, направленные на унификацию административного устройства внутренних и окраинных губерний государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования политико-административной системы империи неотделим от изменений отношений центра с национальными окраинами, реализации конкретных моделей взаимоотношения центральной власти с этносами. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. В истории России при выстраивании взаимоотношений центральной власти с окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Национальный вопрос был не простым для российского правительства. Большая часть нерусского населения в XVIII и XIX вв. проживала на приграничных территориях, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности государства. Включение в состав Российской империи новых территорий с иноязычным населением вновь и вновь актуализировало проблему осознания этих земель как неотъемлемой части России, порождало вопрос о судьбах и будущем вновь присоединенных народов в составе России, их месте в быстро растущей империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2001. Т. 1. 548 с.
2. *Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.*
3. *Борзунов В.Ф.* Рабочая сила на строительстве Сибирской магистрали // Исторические записки. 1961. № 70. С.147–162.
4. *Борзунов В.Ф.* Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне Первой русской революции. М.: Наука, 1965. 198 с.
5. *Введенский Р.М.* Паспортная политика русского царизма и ее влияние на крестьянский отход // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 162–173.
6. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Образы сибирских «окраин» империи как предмет зарубежной историографии XX – XXI вв. // Вестн. Бур. науч. центра СО РАН. 2020. № 1(37). С. 84–97.
7. *Дамешек Л.М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.
8. *Любинский А.И.* Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением: речь, произнесенная в предвыборном собрании 14 сентября 1907 года. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1907. 16 с.
9. *Строганов В.* Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 152 с.
10. *Балашев И.П.* О национализме вообще и в частности о русском: памяти Петра Аркадьевича Столыпина. СПб.: [б. и.], 1911. 32 с.

REFERENCES

1. *Mironov B.N.* The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – the beginning of the XX century). Saint Petersburg, 2003, vol. 1, 548 p. (In Russ.)
2. *Dameshek L.M., Remnev A.V.* (eds.) Siberia as part of the Russian empire. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2007, 368 p. (In Russ.)
3. *Borzunov V.F.* Workforce at the construction of the Siberian Railway. *Istoricheskiye zapiski*, 1961, no. 70, pp. 147–162. (In Russ.)
4. *Borzunov V.F.* The proletariat of Siberia and the Far East on the eve of the first Russian revolution. Moscow, Nauka, 1965, 198 p. (In Russ.)
5. *Vvedensky P.M.* The passport policy of Russian tsarism and its impact on peasant labor walkout. *Sotsial'no-politicheskoye i pravovoye polozheniye krest'yan v dorevoluytsionnoy Rossii*. Voronezh, 1983, pp. 162–173. (In Russ.)
6. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Images of the Siberian edge of the empire as a subject of foreign historiography of the XX – XXI centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, 2020, no. 1, pp. 84–97. (In Russ.)
7. *Dameshek L.M.* Siberian “inorodtsy” in the imperial strategy of power (XVIII - early XX centuries). Irkutsk, Ottisk, 2018, 456 p. (In Russ.)
8. *Lyubinsky A.I.* Russian nationalism as a means of combating the revolutionary and aboriginal movement. Speech delivered at the pre-election meeting on September 14, 1907. Kiev, Tip. I.I. Gorbunova, 1907, 16 p.
9. *Stroganov V.* Russian nationalism. Its nature, history, and objectives. Saint Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1912, 152 c. (In Russ.)
10. *Balashhev I.P.* On the nationalism in general and the Russian nationalism in particular: in memory of Pyotr Arkadyevich Stolypin. Saint Petersburg, 1911, 32 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.01.2021

Дата рецензирования 11.01.2021

Статья принята к публикации 29.01.2021